

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
ПО РЕСУРСНОЙ ЭКОНОМИКЕ
РОССИИ**

19 октября 2016 | Москва

МОДЕРАТОР:

Андрей Мовчан, директор экономической
программы Московского Центра Карнеги

Мовчан. Меня зовут Андрей Мовчан, я руковожу экономической программой в Московском Центре Карнеги.

Суть нашей работы заключается в анализе экономик, которые переживали периоды «голландской болезни», или доминирования определенного ресурса. Мы хотим посмотреть, как они реагировали на начало этого периода, как реагировали на этот период в процессе его расцвета, как они себя вели, когда это заканчивалось, какой был успешный опыт по преодолению этих проблем, сопоставить это с российским опытом взаимодействия с углеводородами и написать некоторые рекомендации о том, что можно было бы сделать в России, чтобы снять этот тяжелый эффект от проходящего ресурсного проклятия.

Конкретно сегодня нас интересует не столько фундаментальная идея ресурсного проклятия, сколько анекдотические ситуации — как это практически воплощалось и происходило.

Но перед этим предлагаю друг другу представиться.

Самойлова. Я из Академии РАНХиГС, работаю в Центре сырьевой экономики заместителем директора. Думаю, многие слышали про Петра Казначеева, нашего директора.

Григорьев. Я выпускник Высшей школы экономики и работаю в данный момент в проекте с Андреем Андреевичем.

Чиркова. Я работаю в Высшей школе экономики, факультет экономических наук, департамент финансов. Писала популярные статьи по экономике для «Коммерсанта».

Крутихин. Я партнер компании Русэнерджи, один из двух совладельцев. Считаюсь нефтегазовым аналитиком последние 23 года.

Зотин. Основное место работы журнал «Коммерсант».

Саликов. Я работаю в институте энергетики и финансов, мы занимаемся прикладной макроэкономикой, анализируем отрасли с большим фокусом на энергетику, на нефтегазовые компании. И работаю в Высшей школе экономики.

Попов. Я работаю в Академии наук в Центральном экономико-математическом институте.

Тамбовцев. Работаю на экономическом факультете МГУ с 1972 года. Лет десять назад мы с коллегами проанализировали влияние концентрированных ресурсов на права собственности.

Волчкова. Я профессор Российской экономической школы и директор по прикладным исследованиям Центра экономических и финансовых исследований и разработок.

Ермолаев. Российский экономический университет имени Плеханова.

Крутихин. Есть замечательный пример вот этого проклятия – это Республика Науру. Какое-то время у них был самый высокий доход на душу населения в мире, потому что у них было очень много фосфоритов, и они начали очень активно этим делом торговать.

Чиркова. Это какие годы?

Крутихин. 60 – 70-е годы. Когда все это гуано кончилось, у них осталась голая земля, скалы и торчали столбы, между которыми раньше все было заполнено этими фосфоритами. Больше ничего. Население вынуждено было оттуда бежать, это жуткая нищета, они взяли и продали весь свой запас минеральных вещей.

Чиркова. Мне кажется, сейчас там количество юристов на душу населения максимальное, это оффшор.

Крутихин. Сейчас именно оффшор какой-то, они пытаются на чем-то заработать, но неизвестно на чем, там ничего нет.

Зотин. Это экстремальный пример, действительно они пытались распорядиться даже вот этим богатством, допустим, была куплена очень большая авиакомпания, управлять ею они не смогли, инвестиции вкладывали, бог знает, во что, в итоге сейчас Науру, по-моему, используется Австралией как пункт для приема разнообразных мигрантов, которые собираются в Австралию попасть.

Кстати, я думаю, что мы скоро увидим подобные кейсы. Я сейчас конкретно занимаюсь Азербайджаном. Там тоже очень любопытная ситуация складывается, потому что там в 1994 году был заключен контракт с консорциумом западных фирм по разработке очень большого месторождения «Азери», «Чыраг» и «Гюнешли». Геологам понятно, когда там нефть закончится, закончится она буквально в середине 20-х годов, и Азербайджан испытает, вероятно, двойной шок. Первый шок, который испытали фактически все нефтедобывающие страны сейчас, это шок, связанный с падением цены, а Азербайджан уже испытывает дополнительный шок, у него уже падает с пика производство. В 2010 году было на уровне чуть больше миллиона баррелей в день, сейчас 850 тысяч баррелей, существенное падение. К 2024 – 2025 году падение будет в три раза.

Чиркова. Потому что они первые начали. Это стандартная иллюзия, что можно найти много.

Крутихин. Заголовки были «новый нефтяной Клондайк». Они подписали 21 соглашение о разделе продукции, но из них оказалось только четыре действующих.

Чиркова. Еще я помню, наши геологи всегда говорили, что там особо нефти нет.

Основная идея, которую я хотела высказать состоит в том, что на самом деле типов ресурсов гораздо больше и типов ресурсной экономики гораздо больше, чем мы традиционно считаем, как нефть и газ. Простейший пример: как-то я читала восторги по поводу Грузии, что у Грузии экономика бурно развивается за счет экспорта электроэнергии (но это гидро и только летом), транзита азербайджанской нефти и туризма. Все три сектора – ресурсная экономика. То есть бурно развивается ресурсная экономика и больше ничего.

Если говорить о том, что мы к ней относим, то в первую очередь сырьевые товары, но помимо них мы можем относить любой товар, даже сельскохозяйственный, который очень сильно доминирует и «забывает» остальные отрасли. Сюда же относится, например, производство опиума, и есть такая теория заговора, что опиум производят в тех местах, где США развязали войну и действует ЦРУ. Сначала это был Таиланд, потому что рядом была война во Вьетнаме, сейчас это Афганистан. Если по Афганистану посмотреть статистику, то у них 700 миллионов – весь экспорт страны официальный, и неофициальная оценка экспорта опиума, мака, марихуаны и всего остального на 4 миллиарда. Ничего практически не сажается, сельское хозяйство умерло, то есть традиционного экспорта, который был у Афганистана, типа абрикосов, нет.

Мовчан. Очень интересно в такой ситуации, куда идут доходы. Это же для ресурсной экономики самое важное, как контролируются доходы от ресурсов. Куда идут доходы в Афганистане?

Чиркова. Не копала глубже, я думаю, что это вообще закрытая тема. Если мы верим в теорию заговоров, то она частично отвечает на вопрос куда – что все-таки у нелегального бизнеса есть «крыша».

Зотин. Это действительно очень интересный кейс. Я сам недавно из Венесуэлы, выяснял, помимо нефти, вопросы, связанные с нелегальной торговлей кокаином. Действительно, это ресурс, но, например, в Венесуэле, насколько я понял, он контролируется армией. Причем контролируется транзит из Колумбии в Венесуэлу. Если раньше Колумбия пыталась поставлять по своим каналам через Ямайку, страны Карибского региона, Центральную Америку, сейчас основной транзит ушел в Венесуэлу, и уже через Венесуэлу армия дальше распределяет.

Достаточно сложно сравнивать такой традиционный ресурс, как нефть, и наркотики, в каком-то широком смысле это тоже ресурс.

Мовчан. Чтобы не пугали наркотики, скажу, что как ресурс можно рассматривать очень много разных вещей — географическое положение, например.

Чиркова. Самый яркий исторический пример – до того, как Васко да Гама нашел путь в Индию, арабы контролировали Аравийский полуостров, и наценка на специи в Европе по сравнению с закупочной ценой в Азии была 10 раз.

Наши литературные тексты очень часто отражение экономики, и это лучший источник, когда других нет. Я на предмет этой ресурсной экономики прочитала всю «Книгу тысячи и одной ночи», мы там действительно имеем ярчайшим пример того, как умирают другие сектора.

Если вы прочтете «1000 и одну ночь» и выпишете профессии всех героев из нее, то увидите, что там есть визири, наложницы, шах и так далее, есть менялы и есть купцы. Есть рынок и есть обмен валюты. А кто занимается «реальной экономикой» и производством? Есть один рыбак, но это промыслы, это примитивная экономика. И был один башмачник, который только ремонтировал сапоги. Производства нет вообще. Но башмачника его работа не удовлетворяла, и он заделался купцом.

Что происходит потом? Васко да Гама открывает путь вокруг Африки в Азию, португальцы начинают господствовать на море. Не знаю, как назвать это более широко,

господство на море – это тоже ресурс. Здесь понятны последствия. Есть французский источник XIX века – Огюст Бланки, известный экономист, он исследовал Португалию того времени, и он говорит о том, что когда португальское господство закончилось, поля уже не возделывались, а сельское хозяйство очень трудно реанимировать.

Следующий ресурс – это как раз добыча полезных ископаемых, и здесь, наверное, первые испанцы. Они гнали корабли с серебром инков, сначала переплавляли их вещи, потом стали добывать руду, сами же ничего не производили, предметы роскоши все заказывали во Франции. Все деньги утекали во Францию. Французская отрасль производства роскоши (luxury goods) поднялась на этих испанских деньгах. И есть очень интересное свидетельство в «Дон Кихоте», ровно то же самое, что Огюст Бланки говорит про Португалию. В «Дон Кихоте» есть такая фраза: «крестьяне забросили плуги, оделись в шелка, их прежде мозолистые руки стали мягкими».

Я считаю, что ресурсом является местоположение, да и размер страны имеет значение. Что касается местоположения, то здесь мы имеем пример Сингапура, который хаб и через него идут все контейнеры с товарами народного потребления Юго-Восточной Азии. Таких хабов два – Сингапур и Шанхай. У Сингапура положение географическое есть, но он никогда бы не выдвинулся, если бы он не был отдельным маленьким государством, потому что он бы содержал большую бедную страну. Я смотрела трехсерийный фильм ВВС про Лагос, журналисты ВВС были положительно настроены, оптимистично относительно намерений Лагоса стать следующим Сингапуром. Чушь собачья.

Мовчан. Географически это как-то осмысленно?

Чиркова. Лагос на море, это крупный морской порт, через него какие-то товарные потоки идут из Азии в Африку, нефть отгружается. Но у него на плечах огромная бедная страна, он никогда не станет Сингапуром.

Если страна маленькая, то я считаю, что это крутой ресурс и это в этом смысле ресурсная экономика. Создать инфраструктуру, типа хороших дорог, на маленькой территории проще, потому что тянуть БАМ экономически не окупается.

Плюс, если вы маленькая страна, вам очень просто придумать одну идею, на которой вы проживете. Тот же Сингапур, когда ушли из него ушли англичане, представлял собой «фортифицированное болото», а английская военная база давала 30% ВВП. Нассим Талеб, которого я безмерно люблю, в свое время перед референдумом в Шотландии призывал голосовать за отделение, у него даже была фраза «Small is beautiful». Я стала думать об том, как хорошо, что страна маленькая, когда прочитала новость, что одна наша софтверная компания переехала в Латвию, она производила игры, у нее было 100 % экспорта, и выручка составляла 100 миллионов долларов. Я заглянула в статистику торгового сальдо Латвии и стало понятно, что если вы привлечете 18 таких компаний, ваш торговый дефицит превращается в ноль.

Я распечатала свежие данные, для меня они шокирующие, когда я как экономист смотрю на эту таблицу ВВП на душу населения... первая двадцатка – это только маленькие страны, причем из них половина в классическом смысле нересурсные. Катар – ресурсный, Люксембург – нет, Сингапур, Бруней, Кувейт, Норвегия, ОАЭ, Ирландия, Сан-Марино, Швейцария, Гонконг, США, Саудовская Аравия, Нидерланды, Бахрейн и так далее.

Я как человек, который много живет на Кипре, могу сказать, что кроме того, что у Кипра есть море и солнце – а это ресурс, и Кипр еще маленький. Я посмотрела по Кипру статистику сегодня, у них рекордное количество туристов (но российский поток падает, потому что наши беднеют). Они настолько развили инфраструктуру, что к ним приезжают англичане, французы, немцы. Кипр всего лишь на 40-м месте в мире по туризму, но когда считают на душу населения, он поднимается на шестое место, а по количеству чистых пляжей на душу населения в Европе он на первом месте. 120 тысяч из 400 тысяч рабочих мест создал туристический сектор, а ведь его довольно просто развить, это не высокие технологии. Кипр – очень отсталый технологически, там не могут поменять асфальт, не отключив электричество во всем районе, но страна живет хорошо, гораздо лучше России.

Последний, самый важный ресурс. У нас исторически природные ресурсы делятся на возобновляемые и невозобновляемые. Невозобновляемые – это нефть, возобновляемые – это вода: дождь идет, круговорот вещей в природе, она накапливается, ее можно снова добывать. Я хочу сказать, что можно ввести третий ресурс и назвать его, к примеру, неистощимым. Возьмем, например, Флоренция, там есть великие старые мастера типа Микеланджело, и если вы посмотрите внимательно, вы увидите, как этот ресурс губит итальянскую экономику, что итальянцы ничего не делают, чтобы привлечь туристов во Флоренцию. Я там была две недели, все не посмотрела, потому что почти все музеи работают только утром с 10.00 до 13.00, кроме двух, трех главных, они могли бы простую вещь сделать без материальных затрат, например, сделать половину работающих утром, половину вечером, но они ничего не делают. Не делают потому, что все равно все приедут, потому что этот город – достопримечательность номер один в мире.

Если ранжировать ресурсы по степени важности, то я считаю, что неистощимый ресурс – самый лучший. Я поддерживаю отделение области Венето от Италии, я считаю, что Венето это супервыгодно, я не понимаю, в чем смысл целостности для богатых регионов, я считаю, что это чистая пропаганда. Если Венето отделится, область останется со своим этим прекрасным неистощимым ресурсом, который там почти на уровне Флоренции, привлечет, условно говоря, пяток софтверных компаний, и будет в дамках. Им действительно нужно лоббировать отделение.

Про Россию. У нас очень плохие ресурсы. Мне не нравится идея, что наш нефтяной ресурс невозобновляемый, я думаю, что Михаил Крутихин меня поддержит, мы все прекрасно знаем как экономисты, что когда он начинает заканчиваться, цена идет вверх, и вовлекаются в разработку новые запасы, которые раньше были нерентабельны. Поэтому дело не в том, что он заканчивается, а дело ровно в том, что, может быть, он будет не нужен, в 2030 году мы увидим, что у нас будут только электродвигатели и спрос на нефть резко сократится.

Итак, у нас есть этот ресурс, он плохой. У нас есть огромная территория – это антиресурс.

У меня еще был один кусок, который я опустила, одна из мыслей была, что институты очень важны. Какие у нас два фондовых рынка лучшие в мире за XX век, даже Андрей не угадает. Лучшая доходность с учетом дивидендов на интервале сто лет с 1900 по 2000 годы. На первом месте Швеция – нересурсная экономика, на втором месте Австралия – ресурсная экономика.

Все говорят, что политические институты очень важны. Ресурсная экономика, Австралия, прекрасно существует. У нас есть Исландия, которая за всю свою историю, за

исключением короткого промежутка, перед 2008 годом, когда ее банки стали международными, в которой баранину производят и рыбы ловят...

Мовчан. Исландия воду производит.

Чиркова. Да, у них есть дешевая энергия гейзеров, и Alcoa построила алюминиевый завод. Чистая ресурсная экономика, но европейская развитая.

У России есть плохой ресурс и антиресурс, и нет институтов. Наши перспективы ужасны, а вот если бы Венето отделилось, это был бы шоколад.

Мовчан. Чем отличается Сингапур от Малайзии?

Зотин. Размером опять же.

Мовчан. Размер не очень сильно отличается, кстати.

Чиркова. Нет, размер очень сильно отличается и по количеству населения. Сингапур очень сильно отличается и религией. Даже сам Ли Куан Ю говорит, что даосизм важен. Там ислам, а здесь даосизм. Национальность и религия влияют.

Крутихин. Малайзия размазана по островам еще к тому же.

Чиркова. Возьмем все маленькие страны, исключим нефтяные, исключим тех, кто поднялся на финансовом секторе типа Люксембурга, у нас останутся среди маленьких только те, где китайцы и даосизм. У нас в остатке будет Сингапур, Макао, Гонконг и Тайвань.

Куртихин. Макао понятно, на чем выехал.

Чиркова. Понятно, но он выехал до того, как стал частью Китая, когда он был колонией Португалии, и у него ВВП на душу населения сейчас чуть ли не самый высокий в мире!

Зотин. Мне кажется очень интересным тезис, отчасти я согласен, с другой стороны, мы можем найти достаточно много маленьких стран, которые бедные.

Чиркова. Мой любимый пример Бутан в Гималаях, ему ничего не светит, он никогда не станет хабом. Я слушала лекцию Александра Аузана о том, как религия влияет на экономическое развитие, он сказал, что есть очень мощное исследование зависимости экономического роста от религии. Хуже всех для экономического роста православие, оно даже хуже ислама. Я не согласна авторами этого исследования изначально, потому что во второй половине XX века не существовало много православных стран, отдельных экономик, у нас был Советский Союз, который распался лишь в 1991 году, и был восточный блок, который мы контролировали. То есть мы имели независимую Грецию, независимый Кипр и советский блок. Нет нормальной выборки стран, чтобы исследовать долгосрочные тренды. Какие выводы можно сделать, исследовав советский блок? Что советская система неэффективна? Да, неэффективна. (Другой вопрос, что, может быть, это православие и привело к социализму.) Но, по данным этих исследователей, зависимость от религии есть и ислам лучше.

Мовчан. Есть Арабские Эмираты, и я понимаю много их преимуществ перед тем же Кипром, но вот одного не понимаю точно. Почему Emirates – одна из крупнейших авиакомпаний мира, а Cyprus Airways обанкротилась? Хотя Cyprus Airways могли бы быть значительно крупнее Emirates с точки зрения географического положения и возможностей.

Чиркова. То есть почему Кипр не стал хабом?

Тамбовцев. Прошу прощения, но было довольно удивительно слушать ваши речи, поскольку в них перепутано все, что только можно. Вы называете ресурсной любую экономику, в которой есть ресурсы. Без ресурсов никакого производства в принципе быть не может. Даже для того, чтобы написать статью, вам нужен ресурс.

Чиркова. С чем Вы не согласны из того, что я говорила?

Тамбовцев. Вы утверждаете целый ряд вещей, который не соответствует действительности. По поводу религий, которые на что-то влияют.

Чиркова. Я сказала, что это говорил Аузан, исследование мне не знакомо, я тут не при чем.

Тамбовцев. Так вот это неверно. Вы относите к одному классу экономику, которая потенциально является обремененной ресурсами, ресурсное проклятие – это не то, что у вас есть ресурсы, если у вас нет ресурсов, вы покойник. Какие-то ресурсы везде всегда есть. Вопрос в том, эти ресурсы – это единственное, с чего вы получаете ренту при продаже на границе, или вы их используете для чего-то, что не является рентным? Вот же здесь в чем корень. И никогда страна, в которой есть плодородная земля, которую обрабатывать чертову пропасть фермеру, плантатору и так далее, но не централизованно, не будет обременена ресурсным проклятием.

Чиркова. Почему?

Тамбовцев. С этого начинал Сакс и Уорнер в 1995 году.

Мовчан. А пример Англии и не шерсти, а огораживания.

Тамбовцев. Там нет никакого ресурсного проклятия. Экономика без ресурсов не бывает, без ресурсов это кладбище. Если люди живут, питаются, то у них есть ресурсы.

Волчкова. Сами люди – это ресурсы.

Тамбовцев. Голые люди на голом острове ничего не произведут, они вымрут, поэтому нужно сочетание ресурсов.

Мовчан. Мне кажется, израильяне опровергли идею, что люди на голом острове не могут выжить.

Попов. Видимо, это высокая доля ресурсов в экономике и высокая доля ресурсов в экспорте.

Мовчан. По-моему, мы еще забываем одну очень важную вещь. Мы выкидываем такой аспект, как маржинальность. Если у вас ресурс низкомаржинальный, если им заниматься неинтересно, то он не искажает структуру экономики. Мне кажется, что ресурсное проклятие начинается там, где у вас появляется ресурсная маржа, которая начинает деформировать экономику.

Тамбовцев. Не так, ресурсное проклятие начинается там, где группа товарищей может огородить источник ресурса, поэтому важна концентрация.

Мовчан. Да, контролируемость должна быть.

Тамбовцев. Не просто контролируемость, дешевая контролируемость. Если вы создаете свой рентный доход на границе, то есть продаете куда-то, вот тогда мы имеем дело с ресурсным проклятием.

Мовчан. То есть страна, которая продает ресурс за рубеж, не оказывается жертвой ресурсного проклятия?

Тамбовцев. Если использует внутри.

Крутихин. Есть очень хороший пример. Остров Пасхи, он был покрыт когда-то лесами, куда делись леса? Они эти леса использовали в качестве рычагов для передвижения каменных статуй, им очень надо было расставить каменные статуи. В данном случае они ресурс взяли и уничтожили.

Тамбовцев. Они использовали внутри, проклятия-то нет.

Чиркова. Андрей, возвращаясь к твоему вопросу, почему Дубай, а не Кипр, на эту тему читала очень интересную книгу – Даниэл Брук «История городов будущего». Дубай выдвинулся, когда коммунисты пришли к власти в Индии, из Индии ближе всего лететь до Дубая, до Кипра далеко, и индийский капитал в Дубай свалил, и вся торговля, которая шла через Индию, пошла через Дубай.

В книге, которую я читала, есть параллели, то же самое произошло в Гонконге в 1960-е годы. Почему он так выдвинулся? Одна из причин, что помогла революция в Китае 1949 года, а в Шанхае они отсрочили переход к коммунизму, сначала Шанхай не трогали, как самый богатый и свободную экономическую зону, потом они национализировали промышленность, но оставили владельцев заводов и фабрик гендиректорами, и когда их погнали и из директоров в 1960-е уже, они все уехали в Гонконг. Соответственно, туда приехал человеческий капитал. Дубай выдвинулся точно так же, как Гонконг, там не только нефть была.

Реплика. Дубай всегда был торговым местом.

Мовчан. Меня очень интересует, что произойдет с Дубаем, когда они перестанут продавать нефть.

Тамбовцев. Они над этим думают. Кстати, Азербайджан тоже над этим думал, лет десять назад азербайджанские товарищи обратились к российской группе товарищей, чтобы они для них подумали над тем, что делать после...

Зотин. Для Азербайджана думали не только российские товарищи, но и World Bank и много кто. Проблема в том, что, например, Азербайджану было рекомендовано, более того, он сам принял долгосрочную концепцию развития, что в нефтяной фонд должно откладываться не менее 25 % экспортной выручки от нефти и газа, а этого не произошло. Трансферты от нефти и газа в фонд больше 90 %, начиная с 2008 года, идут на потребление, то есть это трансферты в бюджет. Они просто не выполнили тех рекомендаций, которые им давал и Всемирный Банк, и многие другие.

Волчкова. Дело в том, что когда тебе рекомендация дается из вне, как правило, они и даются из вне, потому что они внутри не генерятся стейкхолдерами. Поэтому какие-то внешние рекомендации в отсутствии стейкхолдеров никогда не будут реализованы.

Зотин. Стейкхолдеры сами приняли, это указ президента.

Волчкова. В конце концов, президент принимает решение под влиянием стейкхолдеров из местного бизнеса. Вот этот местный бизнес не заинтересован. Сын Гейдара Алиева Ильхам зависит от того, сколько денег ему отрасли генерят, поэтому он зависит от этих отраслей. Такая же ситуация у нас в России.

Мовчан. В России-то сделали фонд.

Волчкова. Сделали фонд только благодаря Кудрину.

Мовчан. Сделали, но это мало что изменило.

Волчкова. Правильно, потому что фонд – это одна вещь, другая вещь – это политика принимаемая. Мы сплошь и рядом видим политику, которая просто принимается под влиянием групп давления, которые завязаны на эти ресурсы, и нет никого, кто бы противостоял, той самой конкурентной развитой обрабатывающей промышленности, достаточно конкурентоспособной для того, чтобы экспортировать. Это тот стейкхолдер, которому нужны хорошие институты, нужна стабильная политика, нужна предсказуемость и инвестиции в будущее. Без этого стейкхолдера ничего не будет.

Иностранные компании в специальных зонах не решают эту проблему, потому что если изменится ситуация, внутренних стейкхолдеров не будет. Плохие стейкхолдеры могут моментально изменить ситуацию в стране, и никто им не противостоит. Правительство не является стейкхолдером роста эффективности, потому что ему важнее думать о своих перевыборах и так далее в краткосрочной перспективе.

Зотин. А по каким критериям мы можем определить, что они стейкхолдеры?

Волчкова. Целевая функция.

Зотин. Целевая функция у них просто остаться у власти как можно дольше.

Чиркова. Мне кажется, есть классические ответы на то, демократия или тоталитаризм. Мы на журналистском уровне пытались исследовать, получается, что у тоталитаризма просто разброс больше, если есть гениальный тоталитарный лидер, Ли Куан Ю всех коммунистов в тюрьму сажал, они там вешались, у него получилось, он умный, порядочный, взяток не брал, у кого-то не получилось. А демократия не дает такого

отрицательного результата, грубо говоря, демократия не может до голода в Поволжье довести, как у нас было в 1921 году.

Мовчан. Демократия может довести до гитлеровской Германии.

Чиркова. Ну, не знаю, в общем, у демократии меньше разброс результата, тоталитарный режим больше зависит от личности лидера.

Мовчан. Я бы даже сказал, что у демократии позитивный разброс меньше, а негативный такой же.

Григорьев Но любопытно, что демократия испытывает негативные последствия от ресурсов. Та же самая Канада и Австралия, которых все приводят в пример, судя по исследованиям, там была «голландская болезнь».

Волчкова. «Голландская болезнь» эмпирически нигде не была подтверждена.

Григорьев У Вас было исследование про рост несырьевых секторов в сырьевых экономиках. Насколько я понимаю, даже в России в начале нулевых, когда начинала расти нефтегазовая отрасль, точно так же росли и некоторые смежные отрасли. И в целом если смотреть на несырьевой ВВП, то он тоже рос. С одной стороны, существуют исследования, демонстрирующие негативное влияние роста сырьевых экономик на несырьевой компонент ВВП – типичный синдром голландской болезни. С другой стороны, были исследования по Норвегии, и там как раз-таки отстаивалась точка зрения о том, что даже развитие сырьевого сектора имело позитивный эффект на сектор торгуемых товаров... Мой вопрос касается именно этой динамики: как развивается несырьевой ВВП в ресурсных экономиках?

Волчкова. Я считаю, что «голландская болезнь» – это некоторая фикция. «Голландская болезнь», если говорить по экономической литературе, возникла в теории, а эмпирических подтверждений ее нет, поэтому это теоретический экзерсис. «Голландская болезнь» это исключительно, чтобы мы были на одной волне, это история про деиндустриализацию, что сырьевой сектор подавляет развитие отрасли.

Дальше идет ресурсное проклятие, это вторая сторона проблемы, которая, возможно, и связана с институтами, как говорят многие исследователи. Стейкхолдерам этих ресурсов нужна экономика, где они защищены, а любое усиление другого лагеря, конкурентной обрабатывающей промышленности, является риском для них, поэтому они всячески мешают им развиваться, в принятии решений, особенно в ситуации, когда цена на ресурс меняется, они начинают сильно портить экономическую политику, которая играет против обрабатывающей отрасли.

Григорьев. То есть скорее стагнация несырьевого сектора это не деиндустриализация, это не «голландская болезнь», это, получается, ресурсное проклятие.

Волчкова. Я считаю, что эффект через институты. Для того чтобы обрабатывающая промышленность в современном мире развивалась, ей ужасно нужна либеральная торговая политика, потому что сегодня это цепочка добавленной стоимости, нужны абсолютно прозрачные границы, великолепная таможня и так далее. Нефти это вообще все по барабану.

Самый ключевой ресурс – производительный труд. Капитал мобильный, а труд, который находится в одном месте и квалифицированный, это важнейший ресурс для обрабатывающей промышленности.

Попов. Ресурсное проклятие в традиционной литературе это гипертрофированное развитие ресурсного сектора, и дальше следует несколько механизмов, которые подрывают экономический рост при этом гипертрофированном развитии. Это высокая доля ресурсных отраслей в ВВП, высокая доля ресурсов в экспорте. Механизмы могут быть через институты, через человеческий капитал, через экстерналию, которая есть от развития обрабатывающей промышленности, но от развития ресурсного сектора этой экстерналии нет.

Если мы обратимся к истории, догоняющее развитие развивающихся стран, где есть примеры экономических чудес? Есть Индонезия, Ботсвана. Если мы обратимся к таким странам, которые имеют высокий ВВП на душу населения, нефтяные, все страны Персидского залива, то получается, что они не экономические чудеса, потому что темпы роста ВВП у них низкие, 1,5 – 3 %, а разбогатели они потому, что изменились условия торговли. Они производили нефти столько же, сколько и раньше производили, но просто эта нефть очень сильно подорожала, и, конечно, они заслуживают похвалы за то, что они правильно распределяли нефтяную ренту, то есть не только надо продукцию увеличивать, но и когда золотой дождь на тебя сваливается, надо правильно его распределять. Поэтому они разбогатели.

Если говорить о темпах роста продукции, то все-таки таких примеров нет или очень мало.

Если говорить о России, я помню, как в советское время говорили о том, что мы сидим на нефтяной игле, нам надо облагораживать в структуре экспорта, потом в 90-е годы об этом говорили, а в это время доля ресурсов в экспорте повышалась, повышалась и повышалась. Потом в 2000-е годы эта доля ресурсов в экспорте колебалась, и колебалась доля ресурсных отраслей в ВВП в зависимости от цен на ресурсы, но в целом если нивелировать это воздействие цен, то получается, что у нас ресурсный характер экономики при этих разговорах повышается и повышается.

У нас говорят, что у нас нет промышленной политики, но на самом деле она есть. У нас две цены на нефть, на газ, на электроэнергию фактически: мировая цена и внутренняя цена. Эти две цены держатся прямым контролем над экспортом и экспортной пошлиной. Экспортная пошлина на нефть составляет порядка 100 долларов за тонну. Цена нефти на мировом рынке сегодня около 300 долларов за тонну. То есть огромная субсидия всем потребителям. Если умножить эти 100 долларов за тонну, если у нас потребляется порядка 500 тонн условного топлива, то получают сумасшедшие деньги, 50 миллиардов долларов субсидия всем тем, кто потребляет эту самую энергию, отсюда и электроэнергия тоже дешевая.

Почему у нас происходит рост ресурсных отраслей, несмотря на то, что субсидируется обрабатывающий сектор? Если сравнивать все ресурснобогатые и ресурсоориентированные страны, то получается, что эти страны занижают цены на топливо. Это занижение цен на топливо и на энергию способствует экономическому росту, оно дает прирост, стимулирует экономический рост, но одновременно оно стимулирует очень высокую энергоемкость. У нас самая высокая в мире энергоемкость, расходы энергии на 1 доллар ВВП. Есть инструменты более тонкие, которые бы позволяли стимулировать экономический рост без вот этих потерь в энергоемкости, и эти инструменты – это

занижение валютного курса. Можно это все субсидиями сделать и налогами, но это трудно, потому что это селективные инструменты промышленной политики, а неселективные – занижение валютного курса.

В принципе нам что сейчас нужно? Занижение курса и постепенное повышение цен на нефть до мирового уровня, и это даст огромную прибыль нефтяным и газовым компаниям. Эту прибыль надо взять через налоги и использовать ее для инфраструктуры и для инвестиций.

Мовчан. Здесь другой очень важный, на мой взгляд вопрос. Что такое занижение валютного курса? Это как?

Попов. Это накапливать резервы с тем, чтобы создать неравновесный валютный курс.

Мовчан. Это значит, что нужно создать предложение рублей избыточное?

Попов. Нет, как Китай, это не связано с выпуском в обращение больше денег. Говорят, что у тех стран, которые быстро накапливали резервы, высокой инфляции не было по нескольким причинам. Если у вас есть контрольное движение капитала, то можно накапливать резервы сколько угодно, занижайте курс.

Мовчан. Мы накапливали резервы все это время, и, как результат, курс завывшался.

Попов. Мы перестали накапливать резервы, в 90-е годы было 15 миллиардов, самое низкое, потом мы накопили до 598 миллиардов, самое высокое, после этого резервы снизились, и сейчас они находятся на уровне 400 миллиардов.

Мовчан. Но мы не поддерживали курс в реальности.

Попов. Как не поддерживали?! Единственная возможность на него воздействовать – это накопление резервов.

Мовчан. То есть скупать с рынка доллары?

Попов. Да.

Волчкова. Модель роста Китая – это модель роста своей экономики за счет зарубежных рынков. Поэтому нужно, чтобы ваше производство было конкурентоспособно. Китай, безусловно, много всего продает за рубеж, Россия даже при заниженном курсе рубля продает за рубеж очень мало в обрабатывающем секторе. Нужно сначала создать те условия внутри экономики, чтобы он появлялся, нужно не регулировать его так, не давить малый бизнес так, как у нас его давят, привлекать зарубежных инвесторов, а не создавать закон о стратегических отраслях.

Тогда, когда у вас есть то, что вы будете продавать за рубежом, занижать курс имеет смысл, а если я занижаю курс в российских условиях, только для нефтяников это выгодно, потому что у них дешевые издержки здесь и все валютные доходы. Поэтому эта история для России, к сожалению, не очень применима в силу того, что нужно иметь вот эту политику либерализации, поощрений и всяческого стимулирования экспортного роста. Посмотрите на Стратегию-2020, которую писали либералы, слово «экспортно-ориентированный рост» отсутствует вообще, зато много раз «импортозамещение».

Импортозамещать, достигая накопление ресурсов за счет снижения курса вообще невозможно.

Мовчан. Да, необходимость пропадает. Когда у вас от этого падает уровень доходов, то вы меньше покупаете.

Попов. В Китае в 1840 – 1850-е годы почему происходили опиумные войны? Потому что там были глобальные дисбалансы, потому что у Китая было много чего экспортировать в Англию, а Англия ничего не могла продать Китаю, это была самодостаточная империя. Поэтому Англия, чтобы английское серебро не перетекало в Китай, заставили китайцев раскрыть порты после этих войн, чтобы продавать им опиум. Единственный конкурентоспособный товар, который англичане могли продать, был опиум, который они производили в Индии. Вот тогда уже наступила полная либерализация и свобода торговли, которая продолжалась сто лет, до 1949 года, когда коммунисты закрыли полностью страну.

Какая была доля экспорта в ВВП в 1850-м году? 3 %. Какая была доля экспорта в ВВП в 1947 году? Тоже 3 %. При Мао Цзэдуне она тоже была 3 %. И в 1970-е годы при плановой экономике она стала резко расти и доросла чуть ли не до шести с лишним процентов к 1979 году, когда Дэн Сяопин стал проводить свои реформы.

С тех пор с 7 % до почти 35 %. Этот рост начался еще при Мао Цзэдуне и продолжался при Дэн Сяопине, когда таможенные тарифы были самыми высокими, они были в 1979 году 40 %, в 1989 году 20 %, сейчас обычный таможенный тариф в развитых странах 3 – 4 % максимум, в развивающихся 7 – 9 %.

Есть такое расхожее представление, и оно соответствует интуиции, что торговля между двумя странами будет больше, если отменить все барьеры. На самом деле все не так. Отменяешь барьеры – и никакой торговли не наступает. Торговля большая тогда, когда стимулируется экспорт, потому что на экспорте зарабатывается валюта и автоматически идет импорт, и вся торговля растет. В Китае было именно так: высокие тарифы, но торговля быстро росла. А когда были низкие тарифы в Китае, она не росла.

Кто был в XIX веке самым большим протекционистом? Все страны, кроме Англии. Только Англия была * после 1848 года после отмены * пошлины. Германия, США, Канада, Россия все были протекционистами, у них у всех была какая-то промышленная политика, необходимую часть которой составлял протекционизм.

Мовчан. Кстати говоря, про Китай есть анекдот, что весь рост экспорта связан с изобретением замка на морском контейнере. Стоимость морской перевозки стала намного дешевле, и они получили конкурентное преимущество.

Чиркова. Сам размер контейнера увеличился.

Волчкова. Я бы здесь еще была аккуратнее с тем, чтобы историю проецировать на сегодняшний день целиком и полностью. Дело в том, что если мы смотрим именно на торговлю, то еще до 50-х годов прошлого века эта торговля имела абсолютное преимущество, с 50-х годов доля внутриотраслевой торговли растет катастрофически. Это совершенно другой принцип существования рынка и структуры рынка. Потому что когда у вас есть внутриотраслевая торговля, то история про то, что эта ниша занята, этот рынок занят, вообще неприменима.

Поэтому если мы смотрим на развивающиеся страны как раз в тех секторах, где внутриотраслевая торговля и где структура рынка, дифференцированные товары и более-менее * конкуренция имеет место, то там у них у всех безумно низкие тарифы, 40 % тарифной линии в обрабатывающей промышленности вообще ноль в развитых странах, они знают, что это является важной основой их развития и роста.

А традиционные сектора, где межотраслевая торговля типа сельского хозяйства, там везде тарифы и в развитых странах очень высокие, потому что это другой совершенно принцип развития.

Мовчан. Кстати, пример Мексики. Я не вижу занижения валютного курса, каких-то интервенций или специального накопления резервов. При этом Мексика – растущая экономика.

Попов. Корея была на уровне Египта в 1950-м году, а сегодня Корея – это Корея. Есть пять стран, которые были развивающимися, а стали развитыми, – это Корея, Япония, Тайвань, Сингапур и Гонконг.

Чиркова. Все даосисты.

Попов. Сингапур и Гонконг можно списать, потому что это города, все их * показывают, что есть преимущество от большой страны, чем больше страна, тем выше экономический рост, но, правда, и плотность населения влияет.

Мовчан. Возвращаясь к Мексике, стоит сказать еще следующее. В Мексике сейчас экономика размером с Россию, рост ВВП — 3 %, у нее такая же нефть, как в России. Но у России падение ВВП, а...

Попов. У нее такой же уровень, как в России, у нее же не корейский и не японский уровень.

Мовчан. Это фактически режим free trade.

Волчкова. Free trade с развитой экономикой соседа.

Попов. Корея становилась не через свободную торговлю, а Мексика со свободной торговлей не становится, даже в перспективе этого нет.

Мовчан. А что было драйвером в Южной Корее?

Попов. Промышленная политика.

Волчкова. С моей точки зрения, что действительно отличает Мексику от Южной Кореи, Южная Корея вложилась в образование со страшной силой, в образование своих сотрудников. Вот эти самые дифференцированные товары обрабатывающей промышленности производятся с высокой долей высококвалифицированного труда.

Зотин. Например, Саудовская Аравия тоже очень сильно вкладывается в образование, но эффекта не видим.

Крутихин. Я думаю, мы уходим от какой-то модели, которая могла бы все-таки дать плоды этой дискуссии, прежде всего, можно было бы посмотреть на какие-то примеры успешной ресурсной экономики, и потом применимо ли это в наших случаях, а может быть, даже и посмотреть, что можно было сделать, чтобы Россия пошла по более прогрессивному пути.

Чиркова. Так вопрос в том, о чем я говорила: у нас плохой ресурс, у нас ресурса хорошего нет, поэтому зачем нам модель ресурсной экономики? Для меня пока не доказано, что мы должны пытаться ресурсно развиваться.

Я хотела поддержать Наталью, нам нужно развивать очень большую страну, поэтому у нас может только за счет инновационного сектора экономика вылезти, а чтобы инновационный сектор развивать, нужно развивать образование. Я прекрасно помню мемуары Ли Куан Ю, где он пишет, что когда он в 60-е годы в первый раз приехал в Советский Союз, он с ужасом осознал, что ему у нас нечего купить. У нас в 60-е годы было нечего купить, кроме этих самых ресурсов, а сейчас у нас ситуация гораздо хуже. На самом деле модель очень простая, теоретически ответ известен, единственное, что наши власти никогда это не воплотят.

Во-первых, все деньги нужно пустить на образование, начиная с детского сада, и, во-вторых, требуется борьба с коррупцией.

Мовчан. Очень длинный цикл.

Чиркова. А нет другого пути.

Волчкова. Инновация – это уже высший пилотаж, есть проще – квалифицированные работники, это не обязательно инновация.

Чиркова. Мы микросхемы не произведем без инноваций.

Волчкова. Инновации могут принести в современном мире иностранные инвесторы, и этого было бы достаточно, чтобы запустить...если бы городе с нефтью и инфраструктурой было бы достаточное количество квалифицированных работников, которых можно было бы поместить на завод, при прочих хороших условиях бизнес-климата туда бы пришли инвесторы, и это бы все сработало.

Мовчан. Есть один феномен, который мне подарил Андрей Никитин, руководитель АСИ. В Германии существует токарь, он разрабатывает деталь, пишет алгоритм, пишет программу, запускает, получает деталь. В России то же самое делают три разных человека, у нас есть инженер-программист, у нас есть человек, который создает деталь, и есть токарь, который стоит и смотрит на станок в процессе работы. Это не относится к квалифицированному труду: у нас есть свой программист, свой инженер и свой токарь. Почему у нас эту деталь делают три человека, а у них один? Какие институциональные процессы привели к такой ситуации?

Волчкова. Я бы так не обобщала, есть вполне эффективные производства, где нормальный токарь делает деталь. Такое скорее на каком-нибудь госпредприятии, где управленческий капитал очень низкий и где эффективность производства не является целью.

Мовчан. Андрей утверждает, что у нас нет профессионалов, нет людей, которые имеют достаточную квалификацию.

Волчкова. Я с этим не согласна.

Крутихин. Я думаю, что это не совсем справедливо по поводу такого сокращения. Посмотрите, норвежцы со шведами все время соревнуются, норвежцы говорят: у нас эффективность гораздо выше. Шведы говорят: у нас одинаковые две государственные конторы, в нашей конторе шесть человек выполняют эту работу, а в вашей 65. Но норвежцы лучше в принципе справляются с этим делом. Поэтому тут совершенно не обязательно, что один рабочий работает за этим станком или шесть на том же станке.

Чиркова. У меня такая же мысль возникала, но другой пример. Есть книга Питера Мейла «Год в Провансе» про англичанина, который покупает дом во Франции, в Провансе и начинает его ремонтировать, и ему нужно проложить новую систему отопления, к нему приходит водопроводчик, а он практически как архитектор – чистый, опрятный, с высшим образованием, может сделать чертежи всех разводок (по-нашему это инженер), берет дорого, у него свой бизнес.

Мовчан. Ко мне в Москве приходят ровно такие же.

Чиркова. Именно это и хочу сказать! Я тут вызвала электрика, который все умеет, во всех компьютерных программах разбирается, везде учился, проходил курсы AutoCAD. То есть у нас это тоже стало появляться. Я думаю, что три разных – это наследие социализма, потому что сейчас есть такие электрики и сантехники и они стали похожи на тех французов, у которых не прерывалась история.

Но что я хотела Наталье сказать, Вы говорите «и появится производство», я с Вами полностью согласна, но у нас с Вами разногласия только в вопросе амбиций. Я считаю, что если у нас просто появится а-ля сборочное производство, как в Калуге «Фольксваген», народ все равно не будет жить очень богато: ну будут там рабочие, которые будут они получать свои плюс-минус 35 тысяч, все равно это бедность. И только инновационная экономика позволит нам жить как западные страны.

Волчкова. Немецкие работники тоже не супербогатые люди.

Крутихин. Вчера по телевизору показали какого-то предпринимателя на Дальнем Востоке, китайца, который говорит: вы знаете, если раньше мы сюда китайцев привозили, чтобы они работали на нашем предприятии, сейчас мы предпочитаем русских, потому что у них зарплата меньше, они гораздо дешевле нам обходятся.

Волчкова. Если таких компаний будет много, стоимость труда возрастет в разы.

Чиркова. Сборочное производство, даже если его много, не увеличит уровень жизни кардинально.

Мовчан. Здесь еще один момент есть, мы не вывозим Фольксвагены за границу в отличие от Мексики.

Чиркова. А вот это не факт, кстати, я статистику не смотрела.

Зотин. Сейчас можем.

Волчкова. Для этого Фольксваген должен был прийти сюда с такими инвестициями, чтобы претендовать на продажи не только внутри страны, а они сюда не приходили, потому что российская таможня – это зло, и иметь с ней отношения никто не хочет.

С этой идеей экспортно-ориентированного роста мы носимся давно, в частности в АСИ в рамках программ поддержки несырьевого экспорта мы очень сильно с этим носились, кое-какую программу склепали, реализуется она плохо. Теперь в рамках государственного проектного управления снова возник проект по поддержке несырьевого экспорта. Эта идея, которая прошла через самый верх, спускается теперь вниз на работу, приходим мы на первое установочное совещание, и уже приходит несколько министерств с уже проектами этих будущих проектов, которые будут реализовываться в рамках поддержки несырьевого экспорта.

Как вы думаете, какие четыре приоритетных сектора в проекте Минпромторга поддержки несырьевого экспорта? Автомобили, самолеты и железнодорожные вагоны. Это же во всем импортозамещение. Когда идея дошла до тех, кто принимает решение и спускает это вниз, чтобы это реализовывать, там стоят вот эти самые стейкхолдеры-лоббисты, которые лоббируют в своих интересах. Ограниченный бюджет сейчас, денег в бюджете нет на поддержку этих компаний, они используют все возможные ходы, какие возможно, чтобы в свою пользу притянуть ресурс. Я с закрытыми глазами слушала весь этот разговор, потому что это абсурд обсуждать поддержку развития несырьевого экспорта для российского автопрома, имея в виду под этим АвтоВАЗ. Хорошо, денег в бюджете нет, поэтому на эту программу им мало дадут.

По большому счету, в Тольятти прекрасные квалифицированные кадры еще с советских времен, и даже инженерная школа еще сохранилась. Там реально могут возникнуть компании, которые были бы конкурентоспособны на мировом уровне и производили какие-то товары обрабатывающей промышленности, но эти работники сидят на этом АвтоВАЗе, который поддерживается субсидиями, и никуда они из этого не вылезут, только очень редкий инвестор сюда придет, потому что уверенности в том, что завтра с АвтоВАЗом еще что-то не придумает государство, нет.

Везде посмотрите наши ключевые места, где реально может зародиться будущее развитие экономики, оно все находится с этой точки зрения будущего в очень плохой ситуации, потому что поддерживается субсидиями, в том числе от этих ресурсов. Чем больше у государства денег от этих ресурсов, тем больше неэффективность экономики оно поддерживает.

Мовчан. Позвольте, я расскажу анекдот про Кипр, который великолепно это иллюстрирует. В какой-то момент кипрское правительство заметило, что бедные работники отельной индустрии зимой остаются без денег, потому что множество отелей закрывается. И оно решило им доплачивать в зимний период, выплачивать зарплату в зимний сезон. К чему это привело? Это привело к полной невозможности открытия отелей зимой. Как только кто-то пытается сохранить отель открытым на зиму, работники выходят с плакатами на забастовку, потому что так они получают деньги, не работая, а иначе им пришлось бы работать. Это убивает зимнюю отельную индустрию Кипра напрочь.

То же самое происходит в Тольятти. Зачем же они будут работать, когда можно получать субсидии?

Чиркова. Насколько я понимаю, на Кипре летом в отелях работают без отпуска, сезон длинный, отпуск накапливается, плюс сверхурочные часы, так что зимой они практически отгуливают отпуск.

Мовчан. Это у кого как. Я знаком с крупнейшими отельерами, они держатся за голову и не понимают, что делать в этой ситуации.

Чиркова. Правильно я поняла из этой дискуссии ответ на вопрос, почему мы не экспортируем? Если в Мексике есть free trade с США, соответственно, они завозят соответствующие комплектующие, там может быть просто сборка и идет экспорт. А у нас таможенный барьер на импорт комплектующих, как раз чтобы создать внутреннее производство, который создан для того, чтобы подтолкнуть локализацию и местное производство комплектующих. Однако они плохие, поэтому готовый товар мы не можем экспортировать. То есть если бы у нас здесь не было барьера на вход, у нас была бы такая сборка, чтобы мы экспортировали.

Волчкова. Не только сборка, все что угодно. Вся идея современного развития в рамках цепочки добавленной стоимости предполагает, что товар, доходя до конца своего производства, столько раз пересекает границы, что издержки на границах вносят огромный вклад в общие издержки, и если границы непрозрачные, если границы с большими издержками, то просто он сюда не заходит, он обходит это мимо.

Чиркова. Вывод, что те же барьеры, которые мы устанавливаем, чтобы развить импортозамещение, мешают экспорту в этих отраслях.

Мовчан. Барьеры могут быть селективными. Очень часто политика такова, что компоненты ввозятся без пошлины, а готовая продукция — с пошлиной.

Чиркова. У нас в автомобилестроении, по-моему, не так, там как раз пошлина на ввоз компонентов...

Мовчан. По-моему, наоборот.

Волчкова. Те четыре проекта, которые под сборкой, там нулевая пошлина.

Чиркова. Требования к локализации очень высокие, чтобы получить льготы.

Попов. Есть два таких примера. В 1959 году был заключен автопакт между Канадой и США, два правительственных, три монополии под General Motors, Chrysler и канадо-американское правительство. Можно вывозить из Канады автомобили в США без пошлины, а детали ввозить в Канаду из США без пошлины. И в Канаде в несколько раз выросло автомобильное производство.

Такое же было в Мексике. Макиладора. Это текстиль, тоже своего рода сборка, производство готовой одежды из материи, которая ввозилась из США.

Ни в том, ни в другом случае прорыва особого не было, там создавалось производство, но такого, чтобы была история догоняющего развития, как в Корее или Японии, не было.

Корея и Япония – это высокопротекционистские страны, которые защищались протекционистским барьером. Одного протекционизма недостаточно. Достаточно будет, когда вы ориентируете одновременно эти отрасли на экспорт. Вы говорите: да, мы вас защитим протекционистским барьером, но вы имейте в виду, этот протекционистский барьер мы будем постепенно снимать, если вы не начнете экспортировать, вы останетесь на бобах.

Знаете, какую историю рассказывают про TOYOTA? Это неправда, миф, я проверял. После войны они пришли в METI (Министерство международной торговли и промышленности в Японии), которое проводило эту промышленную политику, распределяло ресурсы между предпринимателями и говорило фактически, что им надо производить. Они сказали: дайте нам, пожалуйста, субсидию, мы будем экспортировать машины в США. Там долго смеялись. Послевоенный период, разруха, Япония автомобили никогда особенно не производила. Америка – главная автомобильная держава, как можно прорваться на автомобильный рынок?

Через год они пришли снова и сказали: мы собрали здесь три с половиной машины, а полторы экспортировали в Америку. Они сказали: как? без нашей поддержки полторы машины в Америку? вот вам деньги, давайте, ребята, продолжайте дальше.

Это неправда, но то, что такой миф есть, это очень характерно.

Волчкова. Это история, которая могла быть компетентна в 60-х годах, сегодня она не будет, потому что ни один автомобиль не создается на территории одной страны. Возьмите VOLVO, от которого Швеция требует, чтобы он поставил на VOLVO штамп «made in Sweden», они не будут этого делать, потому что это не «made in Sweden», там «made in Sweden» только 20 %.

Попов. Хорошо. Какие инструменты сегодня? Тарифы нельзя применять, потому что ВТО фактически запрещает эти тарифы, субсидии тоже запрещает, остается единственное – валютный курс.

Волчкова. Есть очень хорошее чилийское исследование 2002 года Нины Папчик(?), она смотрит на Чили. Почему на Чили? Потому что там плоский импортный тариф и самая либеральная экономика, и там легко сделать тест на причинно-следственную связь. И она смотрит, как торговая либерализация повлияла на развитие фирм, их экспорта, их производительности и так далее.

За десять лет производительность обрабатывающей промышленности в среднем выросла на 19 %, притом, что средняя производительность фирм обрабатывающей промышленности выросла только на 6 %. Как это возможно?

Попов. Часть фирм вышла...

Чиркова. Это означает, что обрабатывающая промышленность росла, и что-то падало, типа сельское хозяйство.

Попов. Остались только эффективные.

Волчкова. Да, а они остались за счет либерализации внешней торговли. В чем прекрасное свойство торговой либерализации, в отличие от ряда других политик, что это очень

хороший фильтр, она дает преимущество только тем, кто умеет торговать. Не надо выбирать, кто у нас лидеры, кто не лидеры. Либерализуют себя те, кто может что-то сделать, они естественным образом начнут продавать, а чтобы продавать что-то за рубеж, им нужны ресурсы, они начинают эти ресурсы отбирать у неэффективных фирм, выдавливая их с рынка. И рост эффективности экономики только за счет политики.

Мовчан. Мы все время говорим о ситуации, в которой фирмы растут, как растения. Тогда возникает вопрос. На какой земле посеялись семечки, почему не происходит импорта этих фирм? Почему бы нам не создать условия для того, чтобы к нам пришли эффективные фирмы и начали работать?

Волчкова. Да-да, для того чтобы быстро это происходило, как раз иностранные инвесторы.

Мовчан. Пусть приходят не только инвесторы, но и иностранные фирмы. В моем понимании, инвестор тот, кто принес денег.

Чиркова. Фондовый рынок лучший в Латинской Америке за XX век – это Чили.

Волчкова. Чили это тоже, кстати говоря, сырьевая экономика.

Чиркова. Медь.

Волчкова. Почему «фишка» плоского тарифа очень хороша? В 50-е годы у них было принято решение: единый тариф для всех импортных товаров. У нас каждая отрасль, особенно неэффективная, лоббирует высокий импортный тариф, вот сейчас импортозамещение – это результат этого лоббирования.

Что, оказывается, происходит, когда тариф плоский? Оказывается, отрасль начинает лоббировать за снижение этого плоского тарифа.

Мовчан. Давайте вернемся к вопросу, как появляются эти стейкхолдеры в ресурсной экономике. И почему они где-то возникают, а где-то нет?

Крутихин. Смотрите, идеология у компаний, куда они должны прийти, «работаем вместе с иностранцами, а не вместо иностранцев», потому что у нас сейчас та идеология, которая в известной шутке...

Мовчан. Я понимаю, какими они должны быть. Сперва хочется понять, откуда они берутся.

Крутихин. Во-первых, земля, на которую должны прийти эти стейкхолдеры. Вот у нас стейкхолдеры немножко другие, идеология какая? Давайте мы всех иностранцев повыгоняем, а потом поедem все на Багамы жить.

Мовчан. Откуда у нас эта идеология?

Крутихин. Нет идеологии налогоплательщика абсолютно. Я как-то участвовал в радиопередаче, мы сидели рядом с товарищем коммунистом, он агитировал за решение экономическое, которое означало просто: давайте, ребята, поможем братьям нашим из нашего фактически кармана, пусть государство им поможет. А я говорю: у каждого из

кармана тогда возьмется и туда. Провели опрос, за мою точку зрения 17 %, за его 83 %. Они не понимают, что это из их кармана. Фразу Тэтчер, что «нет государственных денег, а есть только деньги налогоплательщиков», никто в России не понимает, может, два, три человека.

Мовчан. Это когда подоходный налог большой.

Крутихин. Он и так большой, но просто они его не видят.

Есть спор двух определений структуры государственной власти в России. Это Сергей Алексашенко, который говорит, что у нас абсолютная монархия без права престолонаследия, единственное отличие от абсолютной монархии. И есть Юрий Припачкин, который говорит: нет, это у нас такая особая вещь и в точности описывает структуру мафии.

Мовчан. Сильно ли отличается первое от второго.

Крутихин. Как вы будете реформировать структуру, которая основана на мафиозных пищевых цепочках?

Мовчан. Что у нас здесь – это понятно, вопрос – почему у нас так, а в другом месте по-другому? Почему в каком-то месте приходят прогрессивные стейкхолдеры, а в каком-то месте нет?

Попов. У ресурсного сектора очень трудно отнять ренту, это может сделать только сильное государство. Когда ресурсного сектора нет, как в Корее, то интересы элиты более-менее едины, легко объединить планы, которые являются таким прорывом в будущее.

Крутихин. У нас ренту, знаете, как отнимают? Нефть 40 долларов – компании остается примерно 20, нефть 140 долларов – компании остается 35 долларов.

Мовчан. Просто компании – это не ресурсный сектор, это сервисный, а ресурсный сектор – это наша власть, которая контролирует через налоги весь сектор.

Крутихин. Но власть основана на том, что нужные люди сидят на потоках денег из компаний в бюджет и из бюджета в компании, и на этих точках они, естественно, перенаправляют часть денег куда надо.

Если экономика работает по такому принципу, по принципу кормежки вот этих кормовых цепочек, а не по принципу развития каких-то секторов, то...

Попов. У нас ее можно отнять, только дав эту ренту, как сейчас получается, энергопотребителям, это автоматическое распределение ренты, потому что цены на нефть, газ и на энергию гораздо ниже мировых. И вот это главная субсидия нашему ненефтяному, нересурсному сектору. А чтобы распределять по уму эту ренту, здесь есть проблема.

Крутихин. Значит, надо посадить честного человека распределять ренту, я понял Ваше предложение.

Попов. Но честного человека нет, система должна быть какая-то. В ресурсных странах не получается так, чтобы контролировать...

Крутихин. Почему в ресурсных странах не получается? Масса примеров. Была развивающаяся страна Норвегия, это рыбацкая деревня, которая открыла у себя нефть и газ. Куда она пошла? Это открытая экономика, это иностранные фирмы, это регулирование, это социалистическое по всей истории государство. Но что мы видим? Полный расцвет, Норвегия превращается в экспортера современных технологий, «железа» и программного обеспечения, в одного из ведущих поставщиков вооружения вместе со Швецией.

Посмотрим на развивающуюся страну Иран. Вообще феодальная была страна, пока в 60-е годы шах не начал «белую революцию». Он из феодализма силой воли повернул страну в развитое капиталистическое хозяйство буквально за несколько дней.

Попов. Но до сих пор Иран не развитая страна, а Корея развитая.

Крутихин. И в Иране все будет.